

## К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск);  
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); [mary\\_kaj@mail.ru](mailto:mary_kaj@mail.ru)

В статье рассматриваются именные морфологические особенности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык. Актуальность исследования заключается в том, что памятники удмуртской письменности на данный момент изучены лишь частично. На сегодняшний день, в общей сложности, известно более 400 наименований дореволюционных памятников удмуртского языка, однако большая часть из них по сей день не описана. Анализ письменных источников необходим, поскольку они дают важную информацию при реконструкции языка, а при наличии датировки помогают определить хронологию языковых явлений.

Описание морфологических особенностей в статье проводится на основе выявленных ранее графических и фонетических особенностей перевода «Закона Божия» на удмуртский язык. При этом задействован метод сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов.

Проанализировав перевод «Закона Божия» на удмуртский язык, мы выявили ряд особенностей в оформлении маркеров множественного числа, посессивности и некоторых падежных форм. Однако, в целом, анализ показал, что текст рассматриваемого памятника письменности на уровне именной морфологии имеет архаичный характер, поскольку нами были выявлены лишь три особенности, отличающие язык памятника от литературного удмуртского языка и большинства современных диалектов. Сопоставление языковых данных «Закона Божия» с литературным языком и современными удмуртскими говорами не противоречит нашей гипотезе относительно диалектной принадлежности рассматриваемого письменного источника, так как все выявленные нами особенности инновационного характера представлены в современном среднечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка.

*Ключевые слова:* удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, именная морфология

## THE PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF “GOD’S LAW” (1912) INTO UDMURT: NOUN MORPHOLOGY

Maria P. Bezenova, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk);  
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); [mary\\_kaj@mail.ru](mailto:mary_kaj@mail.ru)

This article examines the nominal morphologic characteristics of the translation of “God’s Law” into the Udmurt language. The relevance of the study lies in the fact that Udmurt written monuments have not yet been thoroughly studied. Thus far more than 400 pre-revolutionary Udmurt monuments have been found, but most of them have not been described. It is necessary to analyze those written monuments, as they provide important information for language reconstruction and help determine the chronology of linguistic phenomena.

The description of morphological characteristics in the article is based on previously identified graphic and phonetic features of the translation of “God’s Law” into Udmurt. Its linguistic material is compared with data from literary language and modern Udmurt dialects.

Having analysed “God’s Law” in the Udmurt language, some features were revealed in the design of morphological indicators of the plural, possessiveness and some case forms. However, in general, the analysis showed that at the level of nominal morphology the text is archaic in character, as only three features that distinguish the language of the monument from the literary Udmurt language and most modern dialects were identified. A comparison of the linguistic data of “God’s Law” with the literary language and modern Udmurt dialects does not contradict our hypothesis regarding the dialectic affiliation of the written source, when it is considered that all of the identified innovative features are present in the modern Middle-Cheptsya dialect of the northern dialect of the Udmurt language.

*Keywords:* the Udmurt language, dialectology, the monuments of literature, nominal morphology

Анализ языковых данных памятника выполнен при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных». Сопоставление данных памятника с современными удмуртскими диалектами выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00119 «Создание интерактивного атласа по уральским языкам».

## Введение

Данная статья является продолжением предыдущей работы [Безенова, Кондратьева 2019], в которой были рассмотрены графические, орфографические и фонетические особенности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык. Подробный анализ вокалической и консонантной систем памятника с учетом его графики показал, что продолжением диалекта, лежащего в основе рассматриваемого переводного памятника, является современный понинский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка. Опираясь на полученные ранее результаты рассмотрения графики и фонетической системы источника, учитывая данные удмуртского литературного языка и его диалектов, ниже мы проанализируем морфологические особенности памятника [Закон Божий]. В данной статье мы остановимся на именной морфологии и рассмотрим грамматические категории числа, притяжательности и падежа, характерные для имени существительного в удмуртском литературном языке и его диалектах.

## 1. Число

Категория числа в современном удмуртском языке основана на противопоставлении форм единственного и множественного числа. Для единственного числа характерно отсутствие формальных показателей. Множественное число образуется путем присоединения к основе слова суффиксов *-ос* или *-йос* (графически *-ёс*): *-ос* употребляется после основ, оканчивающихся на гласный, *-ёс* присоединяется к основам с финальным согласным.

В тексте [Закон Божий] для выражения множественного числа используются аналогичные аффиксы *-ос* и *-ёс*. Они употребляются в целом по тем же правилам, что и в современном удмуртском:

1) К основам на согласные при образовании форм множественного числа в тексте анализируемого памятника присоединяется суффикс *-ёс*: *изъёс*<sup>1</sup> [izjos] ‘камни’ PL — литер. *изъёс, дӱсьёссэс* [dis'josses] ‘их одежды’ PL-POSS.3PL-ACC — литер. *дӱсьёссэс, еврейёс* [jevrejjos] ‘евреи’ PL — литер. *еврейёс* и т. д.

2) К основам на гласные в памятнике, как правило, присоединяется аффикс *-ос*: *пуослэн* [puoslen] PL-GEN — литер. *пуослэн, тыло-бурдоос* ~ *тыло-бурдоос* [tjloburdoos] ‘птицы’ PL — литер. *тылобурдоос, чиньыостэ* [čín'joste] ‘твой пальцы’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *чиньыостэ* и т. д.

В то же время в рассматриваемом памятнике в употреблении этих аффиксов встречаются некоторые особенности. Так, в трех случаях множественное число от существительных с финальной гласной основы образуется с помощью показателя *-ёс*<sup>2</sup>: *бечеёсыз* [bečejosiz] диал. ‘его подруги’ PL-POSS.3SG — литер. *бечеосыз* (*бече* ‘родственник’), *молитваёс* [mol'itvajos] ‘молитвы’ PL — литер. *молитваос, нылкышноёс* ‘женщины’ PL — литер. *нылкышноос*. В одном случае встречается параллельное употребление маркера<sup>3</sup>: *букваос* [bukvaos] ~ *букваёс* [bukvajos] ‘буквы’ PL — литер. *букваос*.

Показатель *-ос* употребляется и после основ, оканчивающихся на латинскую букву *i*. Однако в данном случае, учитывая особенности употребления латинской *i* в тексте [Закон Божий], которые были описаны в работе [Безенова, Кондратьева 2019], можно предположить, что показателем множественного числа в данных словоформах является аффикс *-йос*: *адяміос* ~ *адяміос* [ad'amijos] ‘люди’ PL — литер. *адяміос* (также *адяміосты* [ad'amijostj] ‘людей’ PL-ACC — литер. *адяміосты / адяміосыз, адяміослэн* [ad'amijoslen] ‘у людей’ PL-GEN — литер. *адяміослэн, адяміослэсь* [ad'amijosles'] ‘от людей’ PL-ABL — литер. *адяміослэсь, адяміослы* [ad'amijoslj] ‘людям’ PL-DAT — литер. *адяміослы, кизилиос* [kiz'il'ijos] ‘звезды’ PL — литер. *кизилиос, киоссэ* ~ *киёссэ* [kijosse] ‘его руки’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *киоссэ, ниосты* [rijostj] ‘птенцов’ PL-ACC — литер. *ниосты/ниосыз*.

Присоединение маркера *-йос* при образовании форм множественного числа к основам с конечной гласной отмечено и в некоторых современных удмуртских говорах. Подобное явление характерно для отдельных говоров периферийно-южного диалекта, в частности, для буйско-таныпского и татышлинско-

<sup>1</sup> В статье в качестве иллюстраций, как правило, приводится по три примера из [Закон Божий]. Меньшее количество примеров свидетельствует о том, что соответствующая форма в тексте памятника встречается лишь один или два раза.

<sup>2</sup> Случаи образования форм множественного числа с помощью маркера *-йос*, который присоединяется к основам с конечной гласной, встречаются и в словаре [Wichmann 1987], например: *t̃ñam kijos̃* (G) ‘мои руки’ [Wichmann 1987: 104], *tum̃jos-ajjos* (G) ‘родители’ [Wichmann 1987: 165] и др.

<sup>3</sup> Аналогичное явление представлено и в местоимении *соос* ‘они’: *соослы* [sooslj] ~ *соёслы* [sojoslj] ‘им’ DAT — литер. *соослы* (ср. *so* (G, B, M, J, MU, U) ‘он, она, оно; тот, та, то’, *sojos* (G, M, J, MU), *sojos* (M, U), *soos* (G, B, M, J, MU), *sojos* (MU) ‘они’ [Wichmann 1987: 224]).

го, например: бт. *кыно-йос*, татш. *күно-йос* ‘гости’, бт., татш. *бакча-йос* ‘огороды’, бт. *пыны-йос*, татш. *пүни-йос* ‘собаки’ и т. д. [Кельмаков 2006: 116]. Спорадически подобные формы встречаются и в некоторых других южных говорах. Данное явление представлено и в говорах северного наречия: системный характер имеет в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, в остальных говорах нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов (за исключением бализинского говора) встречается спорадически, при этом чаще всего в речи представителей старшего поколения [Карпова 2018: 168—169].

Относительно происхождения маркера множественного числа в пермских языках на сегодняшний день существуют различные точки зрения — см. [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011б: 36] и др. Однако все эти гипотезы объединяет тот факт, что в составе данного показателя изначально был согласный *й*, который «в словах с основами на финальный гласный в результате ослабления позиции *й* в интервокальном положении преобразовался в *-ос*» [Карпова 2018: 169—170]. Таким образом, можно сказать, что из двух показателей множественного числа, которые представлены в тексте [Закон Божий], *-йос* имеет более архаичный характер, а *-ос* — инновационный.

## 2. Принадлежность

Категория посессивности, которая отражает отношения принадлежности, является одной из основных категорий, типичных как для удмуртского, так и для других уральских языков. Притяжательные формы в современном удмуртском языке образуются либо синтетическим, либо аналитическим способом. Для нас больший интерес представляет первый способ образования, при котором посессивность выражается различными лично-притяжательными суффиксами (см. таблицу 1).

Таблица 1. Лично-притяжательные суффиксы [ГСУЯ 1962: 82]

Один обладатель		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-э (-е), -ы ‘мой, моя, мое’	-ы ‘мои’
2-е лицо	-эд (-ед), -ыд ‘твой, твоя, твое’	-ыд ‘твои’
3-е лицо	-эз (-ез), -ыз ‘его, ее’	-ыз ‘его, ее’
Много обладателей		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-мы ‘наш, наша, наше’	-мы ‘наши’
2-е лицо	-ды, -ты ‘ваш, ваша, ваше’	-ты ‘ваши’
3-е лицо	-зы, -сы ‘их’	-сы ‘их’

В тексте анализируемого памятника представлены аналогичные маркеры (см. таблицу 2).

Таблица 2. Лично-притяжательные суффиксы памятника [Закон Божий]

Один обладатель		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	<i>Инмарэ́</i> ‘мой бог’ POSS.1SG — литер. <i>инмаре</i> <i>осконэ́</i> ‘моя вера’ POSS.1SG — литер. <i>осконэ</i> <i>эрикэ́</i> ‘моя воля’ POSS.1SG — литер. <i>эрике</i> <i>лулы́</i> ‘моя душа’ POSS.1SG — литер. <i>лулы</i> <i>Мугоры́</i> ‘мое тело’ POSS.1SG — литер. <i>мугоры</i> <i>синмы́</i> ‘мой глаз’ POSS.1SG — литер. <i>синмы</i>	<i>аиосылэ́сь</i> ‘от моих отцов’ PL-POSS.1SG-ABL — литер. <i>айиосылэ́сь/айыосылэ́сь</i> <i>братэ́сьылэ́сь</i> ‘от моих братьев’ PL-POSS.1SG-ABL — литер. <i>братэ́сьылэ́сь</i>
2-е лицо	<i>жечэд́</i> ‘твое добро’ POSS.2SG — литер. <i>жечед</i> <i>киросэд́</i> ‘твой крест’ POSS.2SG — литер. <i>киросэд</i> <i>эрикэд́</i> ‘твоя воля’ POSS.2SG — литер. <i>эрикед</i> <i>нимы́д</i> ‘твое имя’ POSS.2SG — литер. <i>нимыд</i>	<i>муртэ́сьылэ́сь</i> ‘от твоих людей’ PL-POSS.2SG-ABL — литер. <i>муртэ́сьылэ́сь</i>
3-е лицо	<i>дйисэ́з</i> ‘его одежда’ POSS.3SG — литер. <i>дйисез</i> <i>коркаэ́з</i> ‘его дом’ POSS.3SG — литер. <i>коркаез</i> <i>Пи́эз ~ Пиез</i> ‘его сын’ POSS.3SG — литер. <i>пиез</i> <i>Виры́з</i> ‘его кровь’ POSS.3SG — литер. <i>вирыз</i> <i>йыры́з</i> ‘его голова’ POSS.3SG — литер. <i>йырыз</i> <i>нимы́з ~ нимы́з</i> ‘его имя’ POSS.3SG — литер. <i>нимыз</i>	<i>минальэ́сьыз</i> ‘его дети’ PL-POSS.3SG — литер. <i>минальэ́сьыз</i> <i>чиньыосы́з</i> ‘его пальцы’ PL-POSS.3SG — литер. <i>чиньыосыз</i> <i>эшэ́сьыз</i> ‘его друзья’ PL-POSS.3SG — литер. <i>эшэ́сьыз</i>

	Много обладателей	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	<i>виноватмы́</i> ‘наша вина’ POSS.1PL — литер. <i>виноватмы́</i> <i>Инмармы́</i> ‘наш бог’ POSS.1PL — литер. <i>инмармы́</i> <i>мугормы́лы</i> ‘нашему телу’ POSS.1PL-DAT — литер. <i>мугормы́лы</i>	<i>вöсяськысьёсмьы́</i> ‘наши молящиеся’ PL-POSS.1PL — литер. <i>вöсяськысьёсмьы́</i> <i>селякьёсмьы́</i> ‘наши грехи’ PL-POSS.1PL — литер. <i>сьöлыкьёсмьы́</i> <i>юрттысьёсмьы́</i> ‘наши помощники’ PL-POSS.1PL — литер. <i>юрттисьёсмьы́</i>
2-е лицо	<i>басьтэмдылэсь</i> ‘от вашего получения’ POSS.2PL-ABL — литер. <i>басьтэмдылэсь</i> <i>селькамысьтыды́</i> ‘из-за вашего согрешения’ ELA-POSS.2PL — литер. <i>сьöлыкэмысьтыды́</i>	не зафиксировано
3-е лицо	<i>бурдзы́</i> ‘их крыло’ POSS.3PL — литер. <i>бурдзы́</i> <i>мугорзы́</i> ‘их тело’ POSS.3PL — литер. <i>мугорзы́</i> <i>шумпотонзы́</i> ‘их радость’ POSS.3PL — литер. <i>шумпотонзы́</i>	<i>пинальёссы́</i> ‘их дети’ PL-POSS.3PL — литер. <i>пинальёссы́</i> <i>судьяоссы́</i> ‘их судьи’ PL-POSS.3PL — литер. <i>судьяоссы́</i> <i>ужасьёссы́</i> ‘их работники’ PL-POSS.3PL — литер. <i>ужасьёссы́</i>

В тексте [Закон Божий] при выражении отношения принадлежности единичного объекта единичному владельцу в формах второго и третьего лица мы выявили функционирование особых форм: *айз* [ajiz] ‘его отец’ POSS.3SG — литер. *айиз/айыез*, *Аизлы́* [ajizlɨ] ‘его отцу’ POSS.3SG-DAT — литер. *айизлы́/айыезлы́*; *мумиз* ~ *мумиз* ‘его мать’ POSS.3SG — литер. *мумиз/мумыез*, *Мумизлэн* ‘у его матери’ POSS.3SG-GEN — литер. *мумизлэн/мумыезлэн*, *Мумизлэсь* ‘от его матери’ POSS.3SG-ABL — литер. *мумизлэсь/мумыезлэсь*, *Мумизлы́* ‘его матери’ POSS.3SG-DAT — литер. *мумизлы́/мумыезлы́*, *Мумидлэн* ‘у твоей матери’ POSS.2SG-GEN — литер. *мумидлэн/мумыедлэн*. Аналогичные формы зафиксированы Л. Л. Карповой в современных говорах северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 175].

Своеобразие данных лексем заключается в том, что в именительном падеже в непосессивной форме эти имена существительные имеют конечную *-и* (*айи*, *муми*), т. е. *-и* в данном случае фактически является конечным гласным основы. Это подтверждают и соответствия словаря [Wichmann 1987], ср.: *tutɨ* (G, U), *tuti* (G), *tuti* (M, J, MU) ‘самка (животных); мать’; *tutiε* (G) ‘моя мать’; *tutiz ajiz* (G) ‘его мать и отец’ [Wichmann 1987: 165]. По мнению С. А. Максимова, гласный *-и* в подобного рода словах является уменьшительно-ласкательным суффиксом. «Возникнув как уменьшительно-ласкательная форма для обращения к матери (...), слово *муми* впоследствии стало употребляться и в функции называния, в которой оно (...) воспринимается не как мама вообще, а моя мама» [Максимов 2013: 211].

### 3. Падеж

В системе склонения современного удмуртского языка традиционно выделяют 15 падежей, которые по основному значению формально подразделяются на «субъектно-объектные (именительный, винительный, родительный, разделительный, дательный, лишительный, соответственный, творительный) и пространственные (местный, входный, исходный, отдалительный, переходный, предельный, направительный) падежи» [Кондратьева 2011а: 16].

В некоторых говорах удмуртского языка в системе склонения встречаются определенные отклонения от литературных норм, связанные с количественным составом парадигматического ряда. Так, во многих периферийно-южных и отдельных центрально-южных говорах количество падежей сократилось до 12 вследствие замещения адвербиальных, аппроксимативных и в некоторых случаях терминативных форм послеложными конструкциями, например: кркм. *ад'амийос с'аин* ‘в соответствии с людьми, полюдски’ — литер. *адямийосья*; кркм. *гурт пала* ‘в сторону деревни, по направлению к деревне’ — литер. *гуртлань*, *гурт пала*; бтБК. *бакча дыроз'* ‘до огородов’ — литер. *бакчаозь* и др. [Кельмаков 2006: 117—118]. При этом уменьшение количества падежей сегодня в целом наблюдается как в удмуртском, так и в коми языке. В основном это происходит за счет сокращения пространственных падежей, поскольку «выражение локализации и топологических характеристик ориентира берут на себя реляционные имена (...), основы серийных послелогов, а также серийные показатели локализации, процесс образования которых идет достаточно интенсивно» [Усачёва 2011: 270]. Несмотря на это, в отдельных диалектах удмуртского языка (в бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 184; Люкина 2016: 72—74], среднечепецком и нижнечепецком диалектах северного наречия [Карпова 2018: 187]) количество падежей возросло до 21, что связано «с возникновением серии вторичных локальных падежей с показателем *-и'*, развившихся из послелогов с основой *дин'* ‘у, около, при, возле’» [Карпова 2018: 187].

Падежная система языка анализируемого памятника в целом довольно близка литературной, однако в ней присутствуют некоторые особенности, которые мы подробно опишем ниже при рассмотрении падежных маркеров, представленных в тексте памятника [Закон Божий].

3.1. Форма существительных в **именительном падеже** (номинатив) в памятнике, как и в удмуртском литературном языке, характеризуется нулевым аффиксом в обоих склонениях<sup>4</sup>, например:

— простое склонение:

*дыды́к-θ* ‘голубь’ — литер. *дыдык*, *кышномурт-θ* ‘женщина’ — литер. *кышномурт*, *нунáл-θ* ‘день’ — литер. *нунал*; *аръёс-θ* ‘годы’ PL — литер. *аръёс*, *муртъёс-θ* ‘люди’ PL — литер. *муртъёс*, *ныльёс-θ* ‘девочки’ PL — литер. *ныльёс*;

— притяжательное склонение:

*Пие-θ* ~ *Пи́е-θ* ‘мой сын’ POSS.1SG — литер. *пие*, *нимы́д-θ* ‘твое имя’ POSS.2SG — литер. *нимыд*, *селькё́з-θ* ‘его грех’ POSS.3SG — литер. *сьо́лыкес*; *ужъёсы́з-θ* ‘его дела’ PL-POSS.3SG — литер. *ужъёсыз*; *Имармы́-θ* ‘наш бог’ POSS.1PL — литер. *имармы*, *нылзы́-θ* ‘их дочь’ POSS.3PL — литер. *нылзы*; *юрттисъёсмы́-θ* ‘наши помощники’ PL-POSS.1PL — литер. *юрттисъёсмы*, *пинальёссы́-θ* ‘их дети’ PL-POSS.3PL — литер. *пинальёссы* и др.

3.2. Показателями **винительного падежа** (аккузатив) в современном удмуртском языке являются различные аффиксы. Для форм единственного числа характерны такие маркеры, как *-эз/-ез*, *-э/-е*, *-эс/-ес* и нулевой показатель. Для выражения аккумулятивных форм множественного числа используются два синонимичных маркера *-ты* и *-ыз* (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 36—46]). Аналогичные показатели представлены в тексте [Закон Божий]:

— простое склонение:

1) *-эз/-ез*:

*гурэ́зэз* ‘гору’ ACC — литер. *гурезез*, *кышномуртэ́з* ‘женщину’ ACC — литер. *кышномуртэз*, *чиньы́эз* ‘палец’ ACC — литер. *чиньыез* и др.

2) нулевой показатель:

*кыл-θ* ‘слово’ ACC — литер. *кыл*, *сйль-θ* ‘мясо’ ACC — литер. *сйль*, *сюсьты́л-θ* ‘восковую свечу’ ACC — литер. *сюсьтыл* и др.

3) *-ты*:

*кыльёс́ты* ‘слова’ PL-ACC — литер. *кыльёсты*/*кыльёсыз*, *муртъёс́ты* ‘людей’ PL-ACC — литер. *муртъёсты*/*муртъёсыз*, *синтэмъёс́ты* ‘слепых’ PL-ACC — литер. *синтэмъёсты*/*синтэмъёсыз* и др.

— притяжательное склонение:

1) *-э/-е*:

*лулме́* ~ *лулмэ́* ‘мою душу’ POSS.1SG-ACC — литер. *лулме*, *кидэ́* ‘твою руку’ POSS.2SG-ACC — литер. *кидэ*, *пиналзэ́* ‘его ребенка’ POSS.3SG-ACC — литер. *пиналзэ*;

*родняосмэ́* ‘моих родственников’ PL-POSS.1SG-ACC — литер. *родняосме*, *чиньыостэ́* ‘твои пальцы’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *чиньыостэ*, *емышьёсэ́* ‘его плоды’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *емышьёсэ* и др.

2) *-эс/-ес*:

*йырмес* ‘нашу голову’ POSS.1PL-ACC — литер. *йырмес*, *дйсьсэ́с* ‘их одежду’ POSS.3PL-ACC — литер. *дйсьсэс*;

*селькё́смэс* ‘наши грехи’ PL-POSS.1PL-ACC — литер. *сьо́лыкёсмес*, *селькё́стэс* ‘ваши грехи’ PL-POSS.2PL-ACC — литер. *сьо́лыкёстэс*, *пунэмъёсэ́с* ‘их долги’ PL-POSS.3PL-ACC — литер. *пунэмъёсэс* и др.

Из приведенных выше примеров видим, что из двух дублетных маркеров для выражения аккумулятивных форм множественного числа в памятнике используется вариант *-ты*. Данный маркер на сегодняшний день характерен для севернoudмуртских диалектов [Карпова 2018: 186], бесермянского наречия [Тепляшина 1970: 174—176; Люкина 2016: 76], отчасти встречается в срединных говорах: прикильмезских [Загуляева 1980: 105], средневосточных [Бушмакин 1971: 212]. В говорах южного наречия и южной части срединных говоров, напротив, в подобных формах используется показатель *-ыз* [Кельмаков 2006: 119].

<sup>4</sup> «В удмуртском языке различаются два вида склонения: простое и притяжательное (склонение имен существительных с притяжательными суффиксами)» [ГСУЯ 1962: 86].

По мнению ученых, аккумулятивные форманты множественного числа *-ты* и *-ыз*, функционирующие в современном удмуртском языке и его диалектах, восходят к прапермскому периоду [Кондратьева 2011в: 118], поскольку параллельно с литературным суффиксом аккумулятива *-ӧс* (*кӧинъяс-ӧс* ‘волков’), используемого в формах единственного и множественного чисел, в диалектах коми языка функционируют и *т*-овые формы, например: в удорском — *-тӧ*, *-дӧ* (*вӧвйӧс-тӧ* ~ *вӧвйӧс-дӧ* ‘коней’ [Кельмаков 2006: 120]), ижемском — *-тэ* (*мийантэ* ‘нас’, *тийантэ* ‘вас’ [Сахарова, Селькова 2019: 65]), нижневичегодском — *-те* (*mijante, tijante* [Серебренников 1963: 41]).

3.3. Маркером **родительного падежа** (генитив) в тексте [Закон Божий], как и в современном удмуртском языке, является суффикс *-лэн*:

— простое склонение:

*адямилэн* ‘у человека’ GEN — литер. *адямилэн*, *толэзьлэн* ‘у месяца’ GEN — литер. *толэзьлэн*, *шайтанлэн* ‘у черта’ GEN — литер. *шайтанлэн*; *калыкӧслэн* ‘у народов’ PL-GEN — литер. *калыкӧслэн*, *оскисьӧслэн* ‘у верующих’ PL-GEN — литер. *оскисьӧслэн*, *пуослэн* ‘у деревьев’ PL-GEN — литер. *пуослэн*;

— притяжательное склонение:

*Мумидлэн* ‘у твоей матери’ POSS.2SG-GEN — литер. *мумьедлэн*, *родняезлэн* ‘у его родни’ POSS.3SG-GEN — литер. *родняезлэн*; *Инмармылэн* ‘у нашего бога’ POSS.1PL-GEN — литер. *инмармылэн*; *начальникӧссылэн* ‘у их начальников’ PL-POSS.3PL-GEN — литер. *начальникӧссылэн* и др.

3.4. **Разделительный падеж** (аблатив) в удмуртском литературном языке и в большинстве его диалектов оформляется аффиксом *-лэсь*. Подобный маркер используется и в рассматриваемом нами письменном источнике:

— простое склонение:

*Ныллэсь* ‘от девы’ ABL — литер. *ныллэсь*, *пулэсь* ‘от дерева’ ABL — литер. *пулэсь*, *селькылэсь* ‘от греха’ ABL — литер. *сьӧлыкылэсь*; *калыкӧслэсь* ‘от народов’ PL-ABL — литер. *калыкӧслэсь*, *пересьӧслэсь* ‘от стариков’ PL-ABL — литер. *пересьӧслэсь*, *ужӧслэсь* ‘от дел’ PL-ABL — литер. *ужӧслэсь*;

— притяжательное склонение:

*кулэмезлэсь* ‘от его смерти’ POSS.3SG-ABL — литер. *кулэмезлэсь*; *братӧсылэсь* ‘от моих братьев’ PL-POSS.1SG-ABL — литер. *братӧсылэсь*, *муртӧсыдлэсь* ‘от твоих людей’ PL-POSS.2SG-ABL — литер. *муртӧсыдлэсь*, *дышетскысьӧсызлэсь* ‘от его учеников’ PL-POSS.3SG-ABL — литер. *дышетскысьӧсызлэсь*; *басьтэмдылэсь* ‘от вашего получения’ POSS.2PL-ABL — литер. *басьтэмдылэсь*; *селькысьӧсылэсь* ~ *селькысьӧсылэсь* ‘от наших грехов’ PL-POSS.1PL-ABL — литер. *сьӧлыкысьӧсылэсь*, *селькысьӧссылэсь* ‘от их грехов’ PL-POSS.3PL-ABL — литер. *сьӧлыкысьӧссылэсь* и др.

3.5. Показателем **дательного падежа** (датив) в современном удмуртском языке является суффикс *-лы*. Данный маркер для выражения датива представлен и в тексте памятника:

— простое склонение:

*адямилы* ‘человеку’ DAT — литер. *адямилы*, *Инмарлы* ‘богу’ DAT — литер. *инмарлы*, *луллы* ‘душе’ DAT — литер. *луллы*; *висисӧслы* ‘больным’ PL-DAT — литер. *висисӧслы*, *начарӧслы* ‘бедным’ PL-DAT — литер. *начарӧслы*, *пудо-животӧслы* ‘животным’ PL-DAT — литер. *пудо-животӧслы*;

— притяжательное склонение:

*законэдлы* ‘твоему закону’ POSS.2SG-DAT — литер. *законэдлы*, *Пиезлы* ~ *Пиезлы* ‘его сыну’ POSS.3SG-DAT — литер. *пиезлы*; *дышетскысьӧсызлы* ‘его ученикам’ PL-POSS.3SG-DAT — литер. *дышетскысьӧсызлы*; *мугормылы* ‘нашему телу’ POSS.1PL-DAT — литер. *мугормылы*, *Нылзылы* ‘их дочери’ POSS.3PL-DAT — литер. *нылзылы*; *лульӧссылы* ‘их душам’ PL-POSS.3PL-DAT — литер. *лульӧссылы* и др.

3.6. **Творительный падеж** (инструменталь) в современном удмуртском языке оформляется различными маркерами: *-эн/-ен*; *-ын*; *-ин*; *-эны/-ены*-, *-ыны*-, *-ины*- (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 120—121]). Аналогичные аффиксы встречаются и в анализируемом памятнике:

— простое склонение:

1) *-эн/-ен*:

*киросэн* ‘крестом’ INS — литер. *киросэн*, *кортчогэн* ‘гвоздем’ INS — литер. *кортчоген*, *чиньыён* ‘пальцем’ INS — литер. *чиньыен* и др.

2) **-ын**<sup>5</sup>:

*кускы́н* ‘поясницей’ INS — литер. *кускын*, *сюлмы́н* ‘сердцем’ INS — литер. *сюлмын*, *то́лын* ‘ветром’ INS — литер. *то́лын*;  
*еврейёсы́н* ‘евреями’ PL-INS — литер. *еврейёсын*, *кыльёсы́н* ‘языками’ PL-INS — литер. *кыльёсын*,  
*оскысьёсы́н* ‘верующими’ PL-INS — литер. *оскысьёсын* и др.

3) **-ин**:

*уй́н* ‘ночью’ INS — литер. *уйин*.

— притяжательное склонение:

1) **-эны/-ены-**:

*киросэны́д* ‘твоим крестом’ INS-POSS.2SG — литер. *киросэныд*, *юрттэмены́з* ‘его помощью’ INS-POSS.3SG — литер. *юрттэменыз*;  
*во́сяськеменымы́* ‘нашими молениями’ INS-POSS.1PL — литер. *во́сяськеменымы*, *кылу́кымтэенызы́* ‘их слушанием’ INS-POSS.3PL — литер. *кылу́кымтэенызы* и др.

2) **-ыны-**:

*кыны́д* ‘твоей рукой’ INS-POSS.2SG — литер. *кыныд*, *нимыны́з* ‘его именем’ INS-POSS.3SG — литер. *нимыныз*;  
*емышьёсыны́з* ‘его плодами’ PL-INS-POSS.3SG — литер. *емышьёсыныз*;  
*кынымы́* ‘нашей рукой’ INS-POSS.1PL — литер. *кынымы*, *визьмынызы́* ‘их умом’ INS-POSS.3PL — литер. *визьмынызы* и др.

3.7. Морфологическим показателем **лишительного падежа** (абессив) в памятнике [Закон Божий], как и в современном удмуртском языке и его диалектах, является суффикс **-тэк**:

— простое склонение<sup>6</sup>:

*Инмартэ́к* ‘без бога’ ABE — литер. *инмартэк*, *мугортэ́к* ‘без тела’ ABE — литер. *мугортэк*,  
*сelyктэ́к* ‘без греха’ ABE — литер. *сьолыктэк*.

3.8. **Соответственный падеж** (адвербиаль) в памятнике, подобно формам удмуртского литературного языка, оформляется маркером **-я**, ср.:

— простое склонение:

*кулэ́я* ‘по необходимости’ ADV — литер. *кулэя*;

— притяжательное склонение:

*косэме́зья* ‘по его велению’ POSS.3SG-ADV — литер. *косэмезья*, *сиземе́зья* ‘согласно его обещанию’ POSS.3SG-ADV — литер. *сиземезья*.

3.9. Маркерами **местного падежа** (инессив) в удмуртском литературном языке являются суффиксы **-ын**, **-н**, **-а/-я-**, **-лан**, нулевой показатель (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 152—154]). Практически все эти показатели встречаются и в тексте памятника:

— простое склонение:

1) **-ын**:

*инмы́н* ‘в небе’ INE — литер. *инмын*, *кары́н* ‘в городе’ INE — литер. *карын*, *шуры́н* ‘в реке’ INE — литер. *шурын* и др.

2) **-н**:

*корка́н* ‘в доме’ INE — литер. *коркан*.

<sup>5</sup> Согласно [ГСУЯ 1962], *ы*-овые варианты морфологических показателей творительного падежа в единственном числе употребляются в удмуртском языке с отдельными группами имен существительных. «К ним относятся: 1) имена существительные, обозначающие части организма человека или других живых существ (*йырын* ‘головой’ и т. д.); 2) имена существительные, обозначающие лиц по родству (*выныныз* ‘своим братом’ и т. д.); 3) имена существительные, обозначающие неотъемлемую часть некоторых предметов (*пурт ныдын* ‘черенком ножа’ и т. д.)» [ГСУЯ 1962: 101]. Однако в тексте памятника [Закон Божий] в двух случаях на месте предполагаемого маркера с *ы*-овой огласовкой употребляется показатель **-эны-**, ср.: *Мугорэны́з-Вирзэ́* ‘его кровь с телом’ INS-POSS.3SG POSS.3SG-ACC — литер. *мугорыныз вирзэ*, *тусэны́з-ик* ‘его же обликом’ INS-POSS.3SG — литер. *тусыныз ик*.

<sup>6</sup> Абессивные формы в притяжательном склонении в памятнике не зафиксированы.

— притяжательное склонение:

1) **-а/-я-**:

*азбарáз* ‘в его дворе’ INE-POSS.3SG — литер. *азбараз*;

*чыртыямьí* ‘на нашей шее’ INE-POSS.1PL — литер. *чыртыямы, каразы* ‘в их городе’ INE-POSS.3PL — литер. *каразы* и др.

2) нулевой показатель:

*корка́-ø-з* ‘в его доме’ INE-POSS.3SG — литер. *корказ*.

Кроме перечисленных выше маркеров, в памятнике для выражения инессивных форм употребляется показатель **-ин**, который соответствует аффиксу **-ын** современного удмуртского языка, ср.:

*вöсьськоннiн* ‘в молельне’ INE — литер. *вöсьськонниын*;

*дуннейiн* ‘в мире’ INE — литер. *дуннеын*;

*Евангелияиин* ‘в евангелии’ INE — литер. *евангелиын* (< рус. *евангелие*);

*молитвайiн* ‘в молитве’ INE — литер. *молитваын*;

*пононнiн* ‘в месте для складывания’ INE — литер. *пононниын*<sup>7</sup>.

Формант **-ин** для выражения местного падежа, насколько нам известно, не встречается ни в одном из современных удмуртских диалектов. Также отметим, что во всех приведенных случаях *и*-овый вариант инессивного показателя присоединяется к основам, оканчивающимся на гласный. При этом к основам с конечным согласным в памятнике присоединяется *ы*-овый вариант этого показателя. Исходя из этого, можно предположить, что употребление *и*-овых и *ы*-овых вариантов маркера местного падежа в данном случае, скорее всего, объясняется орфографическими нормами<sup>8</sup> текста [Закон Божий].

3.10. **Входный падеж** (иллатив) имен существительных в современном удмуртском языке оформляется суффиксами **-е/-э**, **-ы**, **-а/-я-**, **-ла** и нулевым показателем (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 161—164]). Подобные маркеры, хотя и не все, представлены и в тексте [Закон Божий]:

— простое склонение:

1) **-е/-э**<sup>9</sup>:

*гуэ́* ‘в яму’ ILL — литер. *гуэ, инме́ ~ инме ~ инмэ́* ‘в небо’ ILL — литер. *инме, карэ́* ‘в город’ ILL — литер. *каре* и др.

2) нулевой показатель:

*корка́-ø* ‘в дом’ ILL — литер. *корка*.

— притяжательное склонение:

1) **-а/-я-**:

*кымыса́д* ‘на твой лоб’ ILL-POSS.2SG — литер. *кымысад, кiя́з ~ кiяз* ‘в его руку’ ILL-POSS.3SG — литер. *кiяз*;

*пельпумьёса́д* ‘на твои плечи’ PL-ILL-POSS.2SG — литер. *пельпумьёсад*;

*гадямы́ ~ гадьямы́* ‘на нашу грудь’ ILL-POSS.1PL — литер. *гадямы, гiдазы́* ‘в их хлеб’ ILL-POSS.3PL — литер. *гiдазы*;

*пельпумьёса́мы* ‘на наши плечи’ PL-ILL-POSS.1PL — литер. *пельпумьёсамы* и др.

<sup>7</sup> В двух словоформах *вöсьськоннiн* ‘в молельне’ INE — литер. *вöсьськонниын* и *пононнiн* ‘в месте для складывания’ INE — литер. *пононниын* в памятнике мы наблюдаем выпадение конечной *и* основы перед маркерами пространственных падежей, ср. также *вöсьськонне́* ‘в молельню’ ILL — литер. *вöсьськонние* (но *вöсьськоннилэ́н* ‘у молельни’ GEN — литер. *вöсьськоннилэн, вöсьськоннизы́* ‘их молельня’ POSS.3PL — литер. *вöсьськоннизы*). Аналогичное явление, при котором «в словах с конечным *-н’и* почти во всех местных падежах перед падежным аффиксом выпадает гласный *и*» [Максимов 2018б: 272—273], зафиксировано в современном среднечепецком диалекте удмуртского языка. Отметим также, что маркер *-н’и*, который присоединяется к отглагольным существительным на *-(о)н* и тем самым образует новые слова с местным значением, является весьма продуктивным суффиксом, широко распространенным в говорах северного и бесермянского наречия, а также в шарканском говоре средневосточного диалекта. При этом в последнее время наблюдается тенденция внедрения подобных форм, первоначально считавшихся исключительно диалектными словами, в литературный язык.

<sup>8</sup> Орфографические нормы, возможно, основаны на следующем фонетическом явлении: после гласной основы перед гласным показателя местного падежа появляется вставочный звук *й*, который приводит к частичной продвижке вперед гласного *-ы* (превращая его в звук, промежуточный между *ы* и *и*).

<sup>9</sup> В одном случае данный показатель используется в соответствии с литер. *-ы*: *нунальёсэ́ ~ нунальёсэ́* ‘в дни’ PL-ILL — литер. *нунальёсы*.



2) нулевой показатель:

*корка-0-з* 'в его дом' ILL-POSS.3SG — литер. *корказ*.

Кроме этого, в тексте памятника встречаются несколько словоформ с аффиксом *-не*, которые соответствуют в современном удмуртском языке сочетаниям существительного в номинативе с послелогом *доры* 'к, ко (посл. на вопрос куда?)', но при этом в целом, как и входный падеж литературно языка, обозначают направление движения:

*Архиерейнэ* ~ *Архиерейне* 'к архиерею' 2ILL — литер. *архиерей доры*, *Архиерейснэ* 'к архиереям' PL-2ILL — литер. *архиерейс доры*;  
*калыкъёснэ* 'к народам' PL-2ILL — литер. *калыкъёс доры*;  
*начальникъёснэ* 'к начальникам' PL-2ILL — литер. *начальникъёс доры*.

В данном случае в памятнике представлены формы вторичных пространственных падежей, а именно **приблизительного иллатива** «с приметой *-н'* (< *дин'* 'у, около, при, возле'), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (*-лан'*)» [Кельмаков 2006: 118]. Большинство ученых для обозначения этих форм употребляет термин «приблизительно-местные» падежи (напр., [Тепляшина 1981: 287; Кельмаков 2006: 118; Карпова 2018: 178]). С. А. Максимов считает, что такое наименование не раскрывает полностью содержание вторичных пространственных падежей удмуртского языка и предлагает назвать их «жилищно-местными», поскольку «они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо, и т. д.» [Максимов 2018а: 34].

На сегодняшний день формы вторичных пространственных падежей отмечены в бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 184; Люкина 2016: 72—74], а также в среднечепецком [Карпова 2005: 62; 2018: 178] и нижнечепецком [Тепляшина 1981: 285—286; Карпова 2018: 178] диалектах северного наречия удмуртского языка. Функционирование подобных иллативных форм зафиксировано в глазовском диалекте и Ю. Вихманном, ср.: *tumizhē (no) ajižhē* (G) 'к ее матери и ее отцу' [Wichmann 1987: 165].

По мнению большинства ученых, элемент *-н'* показателей вторичных пространственных падежей возник в удмуртском языке «на базе послелогов с основой *дин'* 'у, около, при, возле', которая, в свою очередь, возникла от имени существительного *дин'* 'основание, комель; близость, околица» [Карпова 2018: 179]. Несмотря на то, что в диалектах коми-пермяцкого языка также зафиксированы формы вторичных пространственных падежей [Баталова 1975: 138—141], большинство ученых считает, что в пермских языках они возникли в период самостоятельного развития каждого из языков [Некрасова 2002: 103—111; Кондратьева 2011в: 23; Максимов 2018а: 44].

3.11. Морфологическими маркерами **исходного падежа** (элатив) в современном удмуртском языке являются аффиксы *-ысь*, *-сь*, *-ысьты-/-сьты-*, *-лась* (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 176—178]). В памятнике [Закон Божий] встречаются лишь два показателя *-ысь* и *-ысьты-*:

— простое склонение:

*вубысь* 'из воды' ELA — литер. *вубысь*, *инмысь* 'с неба' ELA — литер. *инмысь*, *садысь* ~ *садысь* 'из сада' ELA — литер. *садысь*;  
*гурезьёсысь* 'с гор' PL-ELA — литер. *гурезьёсысь*;

— притяжательное склонение:

*кулэмысьтым* 'из-за моей смерти (досл. из моей смерти)' ELA-POSS.1SG — литер. *кулэмысьтым*, *яратэмысьтыз* 'из-за его любви (досл. из его любви)' ELA-POSS.3SG — литер. *яратэмысьтыз*;  
*сelyкамьсьтыды* 'из-за вашего согрешения (досл. из вашего согрешения)' ELA-POSS.2PL — литер. *сьöлыкамьсьтыды*, *гробысьтызы* 'из их гроба' ELA-POSS.3PL — литер. *гробысьтызы* и др.

В четырех случаях элативные суффиксы *-ысь* и *-ысьты-* выступают в *и*-овой огласовке, ср.:

*Армафеаись* 'из Аримафеи' ELA — литер. *Армафеаись*;  
*мъстайсь-ик* 'из места же' ELA — литер. *местайсь-ик*;  
*райсь* 'из рая' ELA — литер. *райсь*;  
*кулымтэсьтыз* 'из его бессмертия' ELA-POSS.3SG — литер. *кулымтэсьтыз*.

В современных диалектах удмуртского языка отмечены оба варианта этих суффиксов. Считается, что для говоров северной диалектной зоны, которая охватывает севернорудмуртские говоры, бесермян-

ское наречие и часть срединных говоров, характерны *ы*-овые варианты элативных маркеров, в то время как аффиксы с *и*-овой инициалью свойственны южной диалектной зоне, в которую входит южное наречие и часть срединных говоров [Кельмаков 2006: 121]. При этом общепринято мнение, согласно которому «южноудмуртские формы на *-и*- имеют вторичное происхождение из более ранних форм на *-ы*- под влиянием последующего палатального согласного *с'*» [Кельмаков 2006: 122].

Стоит также заметить, что во всех приведенных словоформах с *и*-овой инициалью показателя исходного падежа, как и в случае с инессивным аффиксом *-ин*, маркеры *-ись* и *-исьты*- присоединяются к основам с конечной гласной, в то время как показатели *-ысь*- и *-ысьты*-, за исключением одной словоформы *вуйсь*<sup>10</sup> ‘из воды’, присоединяются к основам, оканчивающимся на согласный (16 случаев). Поэтому, вероятно, в данном случае в памятнике также представлена определенная орфографическая норма.

3.12. Показателями **отдалительного падежа** (эгрессив) в современном удмуртском языке являются маркеры *-ысен/-сен*, *-ысены/-сены*-, *-ласен* (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 186—188]). В тексте памятника эгрессивные формы употребляются не часто: нам удалось выявить всего четыре словоформы. Все они оформлены суффиксом *-ысен*:

— простое склонение<sup>11</sup>:

*азьысён* ‘с места’ EGR — литер. *азьысен*, *Иерусалимысён* ‘от Иерусалима’ EGR — литер. *Иерусалимысен*, *кылдэмысён* ‘с момента возникновения’ EGR — литер. *кылдэмысен*, *понедельникысён* ‘с понедельника’ EGR — литер. *понедельникысен*.

3.13. **Переходный падеж** (пролатив) в современном удмуртском литературном языке оформляется маркерами *-етй/-этй*, *-ытй*, *-тй* (подробнее см. [Кондратьева 2011а: 194—196]). Для диалектов удмуртского языка характерны морфонологические варианты этих суффиксов. Так, например, в среднечепецком диалекте удмуртского языка Л. Л. Карпова выделяет следующие пролативные показатели: «*-(ы/ь)т'и* (~ *-(й)ы/ьт'и*), *-(э)т'и* (~ *-(й)эт'и*), *-(э)т'* (~ *-(й)эт'*), *-(ы/ь)т'* (~ *-(й)ы/ьт'*), *-(ы/ь)ки* (~ *-(й)ы/ьки*) — употребление которых не совсем одинаково в говорах. В ярском и глазовском говорах обнаруживаются все варианты показателя данного падежа, юкаменскому говору свойственно в основном функционирование вариантов *-(ь)т'и* (~ *-(й)ьт'и*), *-(э)т'и* (~ *-(й)эт'и*), в бalezинском говоре отмечается наличие вариантов *-(ы)т'и* (~ *-(й)ыт'и*), *-(э)т'и* (~ *-(й)эт'и*), например: яр. гл. *бакча(й)ыт'и* (~ *бакчат'и*) ~ *бакча(й)эт'и* ~ *бакча(й)ыт'* (~ *бакча(й)эт'*) ~ *бакчаки* ‘по огороду’; бал. *бакча(й)ыт'и* (~ *бакчат'и*) ~ *бакча(й)эт'и* ‘по огороду’» [Карпова 2018: 188].

В тексте [Закон Божий] показателями пролатива являются суффиксы:

— притяжательное склонение<sup>12</sup>:

1) *-ети-*:

*мъстаетйз* ‘по его месту’ PROL-POSS.3SG — литер. *местаетйз*.

2) *-ыти-*:

*интйосытйз* ‘по его местам’ PL-PROL-POSS.3SG — литер. *интыостйз*.

Несмотря на то, что в тексте памятника встречаются лишь два примера, видим, что представленные здесь маркеры *-ети-* и *-ыти-*, в отличие от литературных вариантов, имеют мягкий согласный *т*, который характерен для современных среднечепецких и нижнечепецких говоров северного наречия [Карпова 2018: 188] и бесермянского наречия [Тепляшина 1970: 196—198]. В центрально-южном и периферийно-южном диалектах, а также в срединных говорах удмуртского языка согласный *т* не смягчается.

Также отметим, что показателем имен существительных в форме пролатива множественного числа в современном литературном удмуртском языке и в большинстве его диалектов является маркер *-тй* [Кондратьева 2011а: 194]. Однако в памятнике в соответствии с данным показателем функционирует формант *-ыти*. На сегодняшний день аналогичный «вокалический» вариант данного маркера отмечен в некоторых северноудмуртских говорах и бесермянском наречии удмуртского языка [Кельмаков 2006: 123].

<sup>10</sup> Написание в памятнике *вуйсь* вполне закономерно, поскольку после конечного заднерядного гласного *у*, тем более односложного слова, в разговорной речи вставки *й* перед последующим гласным суффикса не происходит.

<sup>11</sup> Эгрессивные формы в притяжательном склонении в памятнике не зафиксированы.

<sup>12</sup> Пролативные формы в простом склонении в памятнике не зафиксированы.

Что касается происхождения морфологических маркеров переходного падежа, Н. В. Кондратьева отмечает, что «удмуртский пролативный маркер *-etü/-этү, -yiti, -ti* образовался в общепермский период и, с точки зрения диахронии, состоит из уральского аблатива на *\*-tV* и финно-угорского латива на *\*-j*» [Кондратьева 2011в: 101]. Функционирование пролативного маркера *-ti* отмечено и в ряде коми-зырянских диалектов: сыктывкарском, верхневычегодском, верхнесысольском, среднесысольском, печорском и вымском [ССКЗД 1961: 87]. В диалектах коми-пермяцкого языка подобный маркер на данный момент сохранился в основном как реликтовое явление в составе некоторых наречий и послеложных форм (например, *máti* 'здесь, около нас (проехали)', *lún börti* 'через день' и др.), в качестве самостоятельного маркера переходного падежа на данный момент он функционирует лишь в верхнекамских говорах [Баталова 1975: 156]. Учитывая твердый характер согласного *t* в соответствующем показателе пролатива в диалектах коми языка, уместно предположить, что пролативные варианты с велярным *m* в удмуртском языке были первичными, а в тексте памятника [Закон Божий], как и в современных средне- и нижнечепецких говорах северного наречия и бесермянском наречии, представлены варианты более позднего происхождения.

3.14. **Предельный падеж** (терминатив) имен существительных в современном удмуртском языке выражается суффиксами *-ozь/-ёзь* в случае простого склонения и *-ozя/-ёзя* в парадигме притяжательного склонения. В тексте памятника [Закон Божий] встречается лишь два примера употребления терминативных форм в простом склонении<sup>13</sup>, при этом обе словоформы оформлены суффиксом *-ёзь*:

*пересёзь* 'до старости' TER — литер. *пересёзь, пятницаёзь* 'до пятницы' TER — литер. *пятницаозь*.

Выше мы уже упоминали о том, что в отдельных периферийно-южных говорах количество падежей сократилось. Произошло это за счет того, что в этих говорах «значительно реже, чем в литературном языке, употребляется терминатив (*-ozь*), заменяясь эквивалентным сочетанием имени существительного с послелогом *дороз', дыроз'*» [Кельмаков 2006: 118]. Такая тенденция характерна и для северных диалектов удмуртского языка [Карпова, Кондратьева 2014: 33]. Однако в данном случае в тексте памятника [Закон Божий] нам не удалось выявить сочетаний существительного с послелогом, которые бы передавали терминативное значение. Поэтому, вероятно, наличие всего двух словоформ в предельном падеже объясняется отсутствием в данном памятнике семантически подходящих контекстов.

3.15. Имена существительные в **направительном падеже** (аппроксиматив), маркированные показателем *-лань*, в современном удмуртском языке употребляются довольно редко, что объясняется «широкой дистрибутивной нагрузкой послеложных конструкций в данном значении» [Кондратьева 2011а: 205]. Такая тенденция характерна и для диалектов удмуртского языка. Ранее мы уже упоминали, что замещение аппроксимативных форм послеложными конструкциями характерно для большинства говоров периферийно-южного диалекта и некоторых центрально-южных говоров [Кельмаков 2006: 117]. Подобное явление Л. Л. Карпова отмечает и в среднечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка: «Формам аппроксиматива литературного языка со значением направления по месту или времени в диалекте чаще всего соответствуют сочетания существительного в номинативе с послелогом *пала* 'по направлению к, в сторону'. Процесс ослабления морфологического оформления аппроксиматива в диалекте имеет тенденцию к дальнейшему развитию» [Карпова 2005: 64].

В тексте рассматриваемого памятника, к сожалению, нам не удалось выявить ни форм направительного падежа, оформленных морфологическим маркером *-лань*, ни конструкций с послелогом *пала*, выражающих аналогичное значение. Видимо, это действительно связано с очень низкой дистрибутивной нагрузкой аппроксиматива в современном удмуртском языке и его диалектах.

В таблице 3 в сравнении с литературными показателями представлены падежные маркеры простого склонения, которые были выявлены нами в тексте [Закон Божий]. Морфологические показатели существительных притяжательного склонения в сочетании с лично-притяжательными аффиксами даны в таблицах 4 и 5. Стоит отметить, что порядок следования падежных и лично-притяжательных маркеров в словах не одинаков: посессивные показатели могут стоять как в препозиции, так и постпозиции по отношению к падежным суффиксам. С точки зрения порядка морфем, никаких особенностей в тексте памятника нами не выявлено.

<sup>13</sup> Терминативные формы в притяжательном склонении в памятнике не зафиксированы.

Таблица 3. Падежные маркеры простого склонения имен существительных

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
номинатив	<b>∅</b> (190) <sup>14</sup>	<b>∅</b>	<b>∅</b> (27)	<b>∅</b>
аккузатив	<b>-эз/-ез</b> (57)	<b>-эз/-ез</b>	<b>-ты</b> (17)	<b>-ты/-ды</b>
	<b>∅</b> (33)	<b>∅</b>		
генитив	<b>-лэн</b> (26)	<b>-лэн</b>	<b>-лэн</b> (9)	<b>-лэн</b>
аблатив	<b>-лэсь</b> (24)	<b>-лэсь</b>	<b>-лэсь</b> (16)	<b>-лэсь</b>
датель	<b>-лы</b> (28)	<b>-лы</b>	<b>-лы</b> (11)	<b>-лы</b>
инструменталь	<b>-эн/-ен</b> (17)	<b>-эн/-ен</b>	<b>-ын</b> (5)	<b>-ын</b>
	<b>-ын</b> (4)	<b>-ын</b>		
	<b>-ин</b> (1)	<b>-ин</b>		
абессив	<b>-тэк</b> (3)	<b>-тэк</b>	не зафиксировано	<b>-тэк</b>
адвербиаль	<b>-я</b> (1)	<b>-я</b>	не зафиксировано	<b>-я</b>
инессив	<b>-ын</b> (12)	<b>-ын</b>	не зафиксировано	<b>-ын</b>
	<b>-ин</b> (5)	<b>-н</b>		
	<b>-н</b> (1)	<b>-лан</b>		
иллатив	<b>-е/-э</b> (18)	<b>-е/-э</b>	не зафиксировано	<b>-ы</b>
	<b>∅</b> (1)	<b>-ы</b>		
		<b>-ла</b>		
		<b>∅</b>		
приблизительный иллатив	<b>-не</b> (1)	—	<b>-не</b> (3)	—
элатив	<b>-ысь</b> (3)	<b>-ысь</b>	<b>-ысь</b> (1)	<b>-ысь</b>
	<b>-ись</b> (3)	<b>-сь</b>		
		<b>-лась</b>		
эгрессив	<b>-ысен</b> (4)	<b>-ысен/-сен</b> <b>-ласен</b>	не зафиксировано	<b>-ысен</b>
пролатив	не зафиксировано	<b>-етй/-этй</b>	не зафиксировано	<b>-тй</b>
		<b>-ытй</b>		
		<b>-тй</b>		
терминатив	<b>-эзь</b> (2)	<b>-озь/-эзь</b>	не зафиксировано	<b>-озь</b>
аппроксиматив	не зафиксировано	<b>-лань</b>	не зафиксировано	<b>-лань</b>

Таблица 4. Сочетания падежных маркеров с лично-притяжательными аффиксами (формы индивидуального обладателя)

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
номинатив	1	<b>-э/-е-∅</b> (9)	<b>-э/-е-∅</b>	не зафиксировано	<b>-ы-∅</b>
		<b>-ы-∅</b> (3)	<b>-ы-∅</b>		
	2	<b>-эд/-ед-∅</b> (7)	<b>-эд/-ед-∅</b>	не зафиксировано	<b>-ыд-∅</b>
<b>-ыд-∅</b> (1)		<b>-ыд-∅</b>			
	3	<b>-эз/-ез-∅</b> (31)	<b>-эз/-ез-∅</b>	<b>-ыз-∅</b> (3)	<b>-ыз-∅</b>
		<b>-ыз-∅</b> (6)	<b>-ыз-∅</b>		
		<b>-из-∅</b> (2)			
аккузатив	1	<b>-м-е(-э)</b> (3)	<b>-м-е</b>	<b>-м-э</b> (2)	<b>-м-е</b>
		<b>-д-э</b> (2)	<b>-д-э</b>		
	2	<b>-т-э</b> (2)	<b>-т-э</b>	<b>-т-э</b> (2)	<b>-т-э</b>
<b>-т-э</b> (2)		<b>-т-э</b>			
3	<b>-з-э</b> (38)	<b>-з-э</b>	<b>-с-э</b> (8)	<b>-с-э</b>	
	<b>-с-э</b> (10)	<b>-с-э</b>			

<sup>14</sup> Здесь и далее в скобках приведено количество словоформ с указанным падежным показателем, выявленным нами в тексте памятника [Закон Божий].

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
генитив	1	не зафиксировано	-э/-е-лэн -ы-лэн	не зафиксировано	-ы-лэн
	2	-ид-лэн (1)	-эд/-ед-лэн -ыд-лэн	не зафиксировано	-ыд-лэн
	3	-ез-лэн (1) -из-лэн (1)	-эз/-ез-лэн -ыз-лэн	не зафиксировано	-ыз-лэн
аблатив	1	не зафиксировано	-э/-е-лэсь -ы-лэсь	-ы-лэсь (2)	-ы-лэсь
	2	не зафиксировано	-эд/-ед-лэсь -ыд-лэсь	-ыд-лэсь (1)	-ыд-лэсь
	3	-эз/-ез-лэсь (6) -из-лэсь (1)	-эз/-ез-лэсь -ыз-лэсь	-ыз-лэсь (1)	-ыз-лэсь
датив	1	не зафиксировано	-э/-е-лы -ы-лы	не зафиксировано	-ы-лы
	2	-эд/-ед-лы (2)	-эд/-ед-лы -ыд-лы	-ыд-лы (1)	-ыд-лы
	3	-эз/-ез-лы (5) -из-лы (2)	-эз/-ез-лы -ыз-лы	-ыз-лы (3)	-ыз-лы
инструменталь	1	не зафиксировано	-эны/-ены-м -ыны-м -ины-м	не зафиксировано	-ыны-м
	2	-эны/-ены-д (3) -ыны-д (1)	-эны/-ены-д -ыны-д -ины-д	не зафиксировано	-ыны-д
	3	-эны/-ены-з (8) -ыны-з (3) -ины-з (1)	-эны/-ены-з -ыны-з -ины-з	-ыны-з (6)	-ыны-з
абессив	1	не зафиксировано	-э/-е-тэк -ы-тэк	не зафиксировано	-ы-тэк
	2	не зафиксировано	-эд/-ед-тэк -ыд-тэк	не зафиксировано	-ыд-тэк
	3	не зафиксировано	-эз/-ез-тэк -ыз-тэк	не зафиксировано	-ыз-тэк
адвербиаль	1	не зафиксировано	-э/-е-я -ы-я	не зафиксировано	-ы-я
	2	не зафиксировано	-эдъ/-едъ-я -ыдъ-я	не зафиксировано	-ыдъ-я
	3	-езъ-я (2)	-эзъ/-езъ-я -ызъ-я	не зафиксировано	-ызъ-я
инессив	1	не зафиксировано	-а/-я-м -о-м	не зафиксировано	-а-м
	2	не зафиксировано	-а/-я-д -о-д	не зафиксировано	-а-д
	3	-а-з (4) -о-з (1)	-а/-я-з -о-з	не зафиксировано	-а-з
иллатив	1	не зафиксировано	-а/-я-м -о-м	не зафиксировано	-а-м
	2	-а/-я-д (5)	-а/-я-д -о-д	-а-д (1)	-а-д
	3	-а/-я-з (6) -о-з (1)	-а/-я-з -о-з	не зафиксировано	-а-з

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
элатив	1	<b>-ысьты-м</b> (1)	<b>-ысьты-м</b> <b>-сьты-м</b>	не зафиксировано	<b>-ысьты-м</b>
	2	не зафиксировано	<b>-ысьты-д</b> <b>-сьты-д</b>	не зафиксировано	<b>-ысьты-д</b>
	3	<b>-ысьты-з</b> (7) <b>-исьты-з</b> (1)	<b>-ысьты-з</b> <b>-сьты-з</b>	не зафиксировано	<b>-ысьты-з</b>
эгрессив	1	не зафиксировано	<b>-ысены-м</b> <b>-сены-м</b>	не зафиксировано	<b>-ысены-м</b>
	2	не зафиксировано	<b>-ысены-д</b> <b>-сены-д</b>	не зафиксировано	<b>-ысены-д</b>
	3	не зафиксировано	<b>-ысены-з</b> <b>-сены-з</b>	не зафиксировано	<b>-ысены-з</b>
пролатив	1	не зафиксировано	<b>-етй/-этй-м</b> <b>-ытй-м</b> <b>-тй-м</b>	не зафиксировано	<b>-тй-м</b>
	2	не зафиксировано	<b>-етй/-этй-д</b> <b>-ытй-д</b> <b>-тй-д</b>	не зафиксировано	<b>-тй-д</b>
	3	<b>-ети-з</b> (1)	<b>-етй/-этй-з</b> <b>-ытй-з</b> <b>-тй-з</b>	<b>-ыти-з</b> (1)	<b>-тй-з</b>
терминатив	1	не зафиксировано	<b>-озя/-ёзя-м</b>	не зафиксировано	<b>-озя-м</b>
	2	не зафиксировано	<b>-озя/-ёзя-д</b>	не зафиксировано	<b>-озя-д</b>
	3	не зафиксировано	<b>-озя/-ёзя-з</b>	не зафиксировано	<b>-озя-з</b>
аппроксиматив	1	не зафиксировано	<b>-э/-е-лань</b> <b>-ы-лань</b>	не зафиксировано	<b>-ы-лань</b>
	2	не зафиксировано	<b>-эд/-ед-лань</b> <b>-ыд-лань</b>	не зафиксировано	<b>-ыд-лань</b>
	3	не зафиксировано	<b>-эз/-ез-лань</b> <b>-ыз-лань</b>	не зафиксировано	<b>-ыз-лань</b>

Таблица 5. Сочетания падежных маркеров с лично-притяжательными аффиксами (формы коллективного обладателя)

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		[Закон Божий]	литер.	[Закон Божий]	литер.
номинатив	1	<b>-мы-θ</b> (3)	<b>-мы-θ</b>	<b>-мы-θ</b> (3)	<b>-мы-θ</b>
	2	не зафиксировано	<b>-ды-θ</b> <b>-ты-θ</b>	не зафиксировано	<b>-ты-θ</b>
	3	<b>-зы-θ</b> (15)	<b>-зы-θ</b> <b>-сы-θ</b>	<b>-сы-θ</b> (4)	<b>-сы-θ</b>
аккузатив	1	<b>-м-ес(-эс)</b> (9)	<b>-м-ес</b>	<b>-м-ес</b> (5)	<b>-м-ес</b>
	2	не зафиксировано	<b>-д-эс</b> <b>-т-эс</b>	<b>-т-эс</b> (1)	<b>-т-эс</b>
	3	<b>-з-эс</b> (6) <b>-с-эс</b> (3)	<b>-з-эс</b> <b>-с-эс</b>	<b>-с-эс</b> (5)	<b>-с-эс</b>
генитив	1	<b>-мы-лэн</b> (1)	<b>-мы-лэн</b>	не зафиксировано	<b>-мы-лэн</b>
	2	не зафиксировано	<b>-ды-лэн</b> <b>-ты-лэн</b>	не зафиксировано	<b>-ты-лэн</b>
	3	не зафиксировано	<b>-зы-лэн</b> <b>-сы-лэн</b>	<b>-сы-лэн</b> (1)	<b>-сы-лэн</b>

аблатив	1	<i>-мы-лэсь</i> (1)	<i>-мы-лэсь</i>	не зафиксировано	<i>-мы-лэсь</i>
	2	<i>-ды-лэсь</i> (1)	<i>-ды-лэсь</i> <i>-ты-лэсь</i>	не зафиксировано	<i>-ты-лэсь</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-лэсь</i> <i>-сы-лэсь</i>	<i>-сы-лэсь</i> (1)	<i>-сы-лэсь</i>
датель	1	<i>-мы-лы</i> (5)	<i>-мы-лы</i>	не зафиксировано	<i>-мы-лы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-лы</i> <i>-ты-лы</i>	не зафиксировано	<i>-ты-лы</i>
	3	<i>-зы-лы</i> (2)	<i>-зы-лы</i> <i>-сы-лы</i>	<i>-сы-лы</i> (2)	<i>-сы-лы</i>
инструменталь	1	<i>-ены-мы</i> (1) <i>-ыны-мы</i> (1)	<i>-эны/-ены-мы</i> <i>-ыны-мы</i> <i>-ины-мы</i>	не зафиксировано	<i>-ыны-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-эны/-ены-ды</i> <i>-ыны-ды</i> <i>-ины-ды</i>	не зафиксировано	<i>-ыны-ды</i>
	3	<i>-ены(-эны)-зы</i> (5) <i>-ыны-зы</i> (2)	<i>-эны/-ены-зы</i> <i>-ыны-зы</i> <i>-ины-зы</i>	не зафиксировано	<i>-ыны-зы</i>
абессив	1	не зафиксировано	<i>-мы-тэк</i>	не зафиксировано	<i>-мы-тэк</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-тэк</i> <i>-ты-тэк</i>	не зафиксировано	<i>-ты-тэк</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-тэк</i> <i>-сы-тэк</i>	не зафиксировано	<i>-сы-тэк</i>
адвербиаль	1	не зафиксировано	<i>-мы-я</i>	не зафиксировано	<i>-мы-я</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-я</i> <i>-ты-я</i>	не зафиксировано	<i>-ты-я</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-я</i> <i>-сы-я</i>	не зафиксировано	<i>-сы-я</i>
инессив	1	<i>-я-мы</i> (1)	<i>-а/-я-мы</i> <i>-ø-мы</i>	не зафиксировано	<i>-а-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-а/-я-ды</i> <i>-ø-ды</i>	не зафиксировано	<i>-а-ды</i>
	3	<i>-а/-я-зы</i> (3)	<i>-а/-я-зы</i> <i>-ø-зы</i>	не зафиксировано	<i>-а-зы</i>
иллатив	1	<i>-а/-я-мы</i> (3)	<i>-а/-я-мы</i> <i>-ø-мы</i>	<i>-а-мы</i> (1)	<i>-а-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-а/-я-ды</i> <i>-ø-ды</i>	не зафиксировано	<i>-а-ды</i>
	3	<i>-а-зы</i> (3)	<i>-а/-я-зы</i> <i>-ø-зы</i>	не зафиксировано	<i>-а-зы</i>
элатив	1	не зафиксировано	<i>-ысьты-мы</i> <i>-сьты-мы</i>	не зафиксировано	<i>-ысьты-мы</i>
	2	<i>-ысьты-ды</i> (1)	<i>-ысьты-ды</i> <i>-сьты-ды</i>	не зафиксировано	<i>-ысьты-ды</i>
	3	<i>-ысьты-зы</i> (1)	<i>-ысьты-зы</i> <i>-сьты-зы</i>	не зафиксировано	<i>-ысьты-зы</i>
эгрессив	1	не зафиксировано	<i>-ысены-мы</i> <i>-сены-мы</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ысены-ды</i> <i>-сены-ды</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-ды</i>
	3	не зафиксировано	<i>-ысены-зы</i> <i>-сены-зы</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-зы</i>

пролатив	1	не зафиксировано	<i>-етй/-этй-мы</i> <i>-ытй-мы</i> <i>-тй-мы</i>	не зафиксировано	<i>-тй-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-етй/-этй-ды</i> <i>-ытй-ды</i> <i>-тй-ды</i>	не зафиксировано	<i>-тй-ды</i>
	3	не зафиксировано	<i>-етй/-этй-зы</i> <i>-ытй-зы</i> <i>-тй-зы</i>	не зафиксировано	<i>-тй-зы</i>
терминатив	1	не зафиксировано	<i>-озя/-эзя-мы</i>	не зафиксировано	<i>-озя-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-озя/-эзя-ды</i>	не зафиксировано	<i>-озя-ды</i>
	3	не зафиксировано	<i>-озя/-эзя-зы</i>	не зафиксировано	<i>-озя-зы</i>
аппроксиматив	1	не зафиксировано	<i>-мы-лань</i>	не зафиксировано	<i>-мы-лань</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-лань</i> <i>-ты-лань</i>	не зафиксировано	<i>-ты-лань</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-лань</i> <i>-сы-лань</i>	не зафиксировано	<i>-сы-лань</i>

## Выводы

Итак, анализ показал, что в целом текст памятника [Закон Божий] на уровне именной морфологии имеет архаичный характер. В результате рассмотрения основных грамматических категорий имени существительного нам удалось выявить лишь три особенности, посредством которых язык рассматриваемого переводного памятника письменности отличается от современного литературного удмуртского языка, срединных говоров и южного наречия:

- 1) употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства (при выражении отношения принадлежности единичного объекта единичному обладателю);
- 2) функционирование форм приблизительного илллатива с аффиксом *-не*;
- 3) оформление имен существительных в форме переходного падежа маркерами *-ети-* и *-ыти-* (с мягким согласным *т*) в соответствии с литературными аффиксами *-етй/-этй*, *-ытй*, *-тй*.

В ходе рассмотрения падежных маркеров имени существительного нам удалось выявить еще одну особенность: в тексте памятника [Закон Божий] параллельно с инессивными и элативными формами, оформленными аффиксами *-ын* и *-ысь*, *-ысьты-* соответственно, функционируют маркеры с *и*-овой инициалью *-ин* и *-ись*, *-исьты-*. При этом *ы*-овые варианты данных суффиксов присоединяются к основам существительных с конечной согласной, а *и*-овые — гласной. Учитывая также тот факт, что инессивные формы, оформленные аффиксом *-ин*, не зафиксированы ни в одном из удмуртских диалектов, а элативные маркеры *-ись* и *-исьты-*, хотя и встречаются в современных удмуртских говорах, но для северноудмуртских диалектов не характерны, а кроме того, имеют более позднее происхождение по сравнению с *ы*-овыми вариантами [Кельмаков 2006: 122], уместно предположить, что, вероятнее всего, данная особенность связана с орфографическими нормами текста памятника [Закон Божий].

Итак, результаты анализа языкового материала данного памятника письменности на уровне именной морфологии не противоречат нашей гипотезе относительно диалектной основы перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык, поскольку все выявленные особенности, в первую очередь инновационного характера, на основе которых мы можем судить о диалектной принадлежности памятника (образование форм множественного числа от основ с финальной гласной с помощью суффикса *-ос*, функционирование форм приблизительного илллатива с аффиксом *-не*, оформление пролативных форм показателями с мягким согласным *т*), представлены в современных говорах северного наречия удмуртского языка, к которому относится и среднечепецкий диалект.

## Сокращения

### Языки и диалекты

бал. — бalezинский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка

бт. — буйско-таньпский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка

бтБК. — буйско-таньпский говор деревни Большой Качак (Калтасинский район Башкортостана)



гл. — глазовский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка  
 кркм. — кырыкмасские говоры центрально-южного диалекта удмуртского языка  
 рус. — русский язык  
 татш. — татышлинский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка  
 яр. — ярский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка

диалекты по [Wichmann 1987]:

G — глазовский диалект  
 J — елабужский диалект  
 M — малмыжский диалект  
 MU — малмыжско-уржумский диалект  
 U — уфимский диалект

#### Г л о с с ы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	ILL — иллатив
ABE — абессив	2ILL — приблизительный иллатив
ABL — аблатив	INE — инессив
ACC — аккумулятив	INS — инструменталис
ADV — адвербиаль	PL — множественное число
DAT — датив	POSS — посессивный показатель
EGR — эгрессив	PROL — пролатив
ELA — элатив	SG — единственное число
GEN — генитив	TER — терминатив

#### О б щ и е

диал. — диалект, диалектный  
 литер. — литературная форма, литературный язык  
 посл. — послелог

#### Л и т е р а т у р а

- Баталова 1975 — *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. {*Batalova R. M.* Komi-Permian Dialectology. Moscow, 1975.}
- Безенова, Кондратьева 2019 — *Безенова М. П., Кондратьева Н. В.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // Урало-алтайские исследования. 2019, 3 (34). С. 7—52. {*Bezenova M. P., Kondratieva N. V.* The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Graphics, Spelling, and Phonetics // Ural-Altai Studies. 2019, 3 (34). P. 7—52.}
- Бушмакин 1971 — *Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. {*Bushmakin S. K.* Phonetic and Morphological Features of Middle Eastern Dialects of the Udmurt Language. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu, 1971.}
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Отв. ред. *П. Н. Перевоицков*. Ижевск, 1962. {Grammar of the Modern Udmurt Language: Phonetics and Morphology. Izhevsk, 1962.}
- Загуляева 1980 — *Загуляева Б. Ш.* Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // Fenno-Ugristica 6. Тарту, 1980. С. 103—110. {*Zagulyaeva B. Sh.* Morphological Features of the Prikilmez Dialects of the Udmurt Language // Fenno-Ugristica 6. Tartu, 1980. P. 103—110.}
- Закон Божий — Закон божий: Книжка с картинками для маленьких детей на вотском языке глазовского наречия. Часть I. Казань, 1912. {God’s Law: A Book with Pictures for Young Children in the Votyak Language of the Glazov Dialect. Part I. Kazan, 1912.}
- Карпова 2005 — *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. {*Karpova L. L.* The Middle-Cheptsä Dialect of the Udmurt language: Speech Samples. Izhevsk, 2005.}
- Карпова 2018 — *Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. {*Karpova L. L.* Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current Status. Dis. ... Ph. D. of Philol. Sci. Izhevsk, 2018.}
- Карпова, Кондратьева 2014 — *Карпова Л. Л., Кондратьева Н. В.* Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты // Финно-угорский мир. 2014, 3 (20). С. 24—31. {*Karpova L. L., Kondratieva N. V.* The system of Spatial Cases in Modern Udmurt: Literary Language vs Dialects // Finno-Ugric World. 2014, 3 (20). P. 24—31.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kelmakov V. K.* Short Course of Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Educational Institutions. 2<sup>nd</sup> ed. Izhevsk, 2006.}

Кондратьева 2011а — *Кондратьева Н. В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V.* Category of the Nominative Case in the Udmurt Language. Izhevsk, 2011.}

Кондратьева 2011б — *Кондратьева Н. В.* Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2011. {*Kondratyev N. V.* Variation of Nouns in the Udmurt Language (Grammatical Categories of Case and Number). Abstract of dis. ... Ph. D. of Philol. Sci. Izhevsk, 2011.}

Кондратьева 2011в — *Кондратьева Н. В.* Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyev N. V.* The Formation of the Case System in the Udmurt Language. Izhevsk, 2011.}

Лыткин 1931 — *Лыткин В. И.* К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сб. статей. Вып. II. Москва, 1931. С. 101—111. {*Lytkin V. I.* On the Origin of the Plural Suffix “jos” in Udmurt // On Udmurt Topics: Collection of Articles. Vol. II. Moscow, 1931. P. 101—111.}

Люкина 2016 — *Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016. {*Liukina N. M.* Phonetic and Morphological Features of Lekma and Yunda Besermyans Languages. Izhevsk, 2016.}

Максимов 2013 — *Максимов С. А.* Комментарий к картам: «Мать», «Обращение к матери», «Бабушка — мать отца», «Бабушка — мать матери», «Отец», «Обращение к отцу», «Дедушка — отец отца», «Дедушка — отец матери», «Отчим» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. Науч. издание. Ижевск, 2013. С. 204—258. {*Maksimov S. A.* Commentary on the Maps: “Mother”, “Appeal to the Mother”, “Grandmother — the Father’s Mother”, “Grandmother — the Mother’s Mother”, “Father”, “Appeal to Father”, “Grandfather — the Father’s Father”, “Grandfather — the Mother’s Father”, “Stepfather” // Dialectological Atlas of the Udmurt language: Maps and Comments. Vol. III. Izhevsk, 2013. P. 204—258.}

Максимов 2018а — *Максимов С. А.* Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования // Урало-алтайские исследования. 2018, 1 (28). С. 33—48. {*Maksimov S. A.* Secondary Spatial Cases in the Udmurt Language: Evolution of Research and Terminology, Causes of Formation // Ural-Altaic Studies. 2018, 1 (28). P. 33—48.}

Максимов 2018б — *Максимов С. А.* О пермском словообразовательном суффиксе существительных с локальным значением — удм. *-ñi* / коми *-in* // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. 54. Вып. 4. С. 270—285. {*Maksimov S. A.* About the Perm Word-Forming Suffix of Nouns with Local Meaning — Udm. *-ñi* / Komi *-in* // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54. Issue 4. P. 270—285.}

Некрасова 2002 — *Некрасова Г. А.* Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. {*Nekrasova G. A.* System of L-cases in the Perm Languages: Origin and Semantics. Syktyvkar, 2002.}

Сахарова, Селькова 2019 — *Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. {*Sakharova M. A., Selkov N. N.* Izhemsky Dialect of the Komi Language. Syktyvkar, 1976.}

Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963. {*Serebrennikov B. A.* Historical Morphology of Perm Languages. Moscow, 1963.}

ССКЗД 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. {Comparative Dictionary of Komi-Zyryan Dialects. Syktyvkar, 1961.}

Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970. {*Tepliashina T. I.* The Language of the Besermyans. Moscow, 1970.}

Тепляшина 1981 — *Тепляшина Т. И.* О новых удмуртских падежах // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Turku 20.—27. VIII. 1980 Turku, 1981. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morfologica, syntactica et semantic. С. 285—292. {*Tepliashina T. I.* About new Udmurt cases // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Turku 20.—27. VIII. 1980 Turku, 1981. Pars VI: Dissertationes Sectionum: Phonologica et Morfologica, Syntactica et Semantic. P. 285—292.}

Усачёва 2011 — *Усачёва М. Н.* Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. {*Usacheva M. N.* Locative Cases in the Composition of Groups with Spatial Significance in Perm Languages. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 2011.}

Kövesi 1965 — *Kövesi M.* A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Uotila 1933 — *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)